

«Морские рассказы»

Константин Станюкович

Гибель «Ястреба»

«Public Domain»

1899

Станюкович К. М.

Гибель «Ястреба» / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1899 — («Морские рассказы»)

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Константин Михайлович Станюкович
Гибель «Ястреба»
Рассказ старого матроса
Из цикла «Морские рассказы»

I

Небось в те поры бога-то мы вспомнили, вашескобродие! Еще как вспомнили-то! Уж на что старший офицер был у нас отчаянный: никакого страха не имел и только, бывало, ругался да нам зубы полировал, – в старину, сами изволите знать, полировка была форменная! – а и он на тот раз вдруг в понятие вошел. «Братцы, мол, голубчики любезные!» Совсем по-другому заговорил: понял, значит, что смерть не то, что безответного матроса по зубам съездить: она сама в лучшем виде тебя съездит, сколько ты форцу на себя ни напускай. И все мы вовсе были обезнадежены тогда; прямо сказать, в отчаянность пришли; так и полагали, что всем нам будет крышка в этом самом Немецком море. Довольно даже подлое это море, вашескобродие! Завсегда, сказывают, на нем погода. Волна какая-то шальная, безо всякой правильности бросается и мотает судно во все стороны. Оттого и качка там самая что ни на есть нудная. Крепкого человека – и того обескуражит. И видал я, по своему матросскому званию, всякие моря и окияны, а хуже этого моря нет морей... Однако господь внял матросским молитвам – матросская-то молитва шибче до бога доходит! – и вызволил. Многие которые и живы остались... Ну, да и командир-то наш, Левонтий Федорыч Белобородов – может, изволили слышать, вашескобродие? – башковатый и добрый человек был... Показал тогда себя... Не стерпел гибели «Ястреба», царство ему небесное!

И Иваныч, с которым мы жарким летним днем сидели в тенистом прохладном саду в имении моего приятеля, бывшего моряка, где старый матрос был ночным сторожем, обнажил белую как лунь голову и истово осенил себя крестным знаменiem.

– А случилась гибель нашему «Ястребу» в проливе, вашескобродие! – продолжал Иваныч. – Мелистый пролив... много этих самых мелей да камней. И берега обманные, низкие. Запомню, как проливу название... Память-то старая, вашескобродие! Вроде быдто Рака прозывается...

– Скагерак, – подсказал я.

– Он самый и есть... Шли мы это по нем глубокой осенью под зарифленными парусами, а день был пасмурный... солнышка и звания не было... и погода свежая... а к вечеру и последний риф взяли для безопасности, потому как ветер во всю силу входить начал и волны вовсе освиrepели, ровно сбесились... Воят воем и на «Ястреб» набрасываются. Однако конверт-то наш крепкий был, летом только что выстроен и отправлен был из Кронштадта в дальнюю на три года, – поскрипывает себе, мотаясь, как угорелый, на волнах. И ничего они с ним поделать не могут, как ни стараются. Только брызгами нас обдают... Ну и то сказать – рулевые были исправные, не зевали... Знали, что за зевки не похвалят... Хорошо. Просвистали это братья койки... Пошли, значит, мы, подвахтенные, вниз, подвесили койки и рады были после трудного дня заснуть до полуночи. Ну, известно, уставший человек лег – и готов. Долго ли спал, обсказать не могу, вашескобродие, но только вдруг меня подбросило, и я чуть не вылетел из койки. Слышу страшный треск. «Ястреб» задрожал и остановился. И ту же минуту все повскакали с коек. А уж боцман сверху кричит в люк не своим голосом: «Пошел все наверх!» А мы и без того торопимся одеться и наверх бежать – потому все в страхе. Поняли, что на мель встали. Выскочил это я, как полоумный, наверх, к своему месту, – я марсовым служил, – гляжу – одна страсть! Ночь темная, кругом море гудит, а ветер так и ревет в снастях. А командир сам уж в рупор командует: «Марсовые, к вантам! Паруса крепить!» И голос у его успокоительный, ровно бы никакой беды и нет... Очень много было твердости в Левонтье Федорыче, вашескобродие. И дока по флотской части был, и добер был к матросу. Зря не забижал, и если наказывал, то с рассудком... А было много и таких, что без всякого рассудка нашего брата в тоску вгоняли... Было, вашескобродие! – раздумчиво прибавил старик.

Он примолк, вздохнул, словно бы сожалея о тех людях, которые вгоняют в тоску, и продолжал:

– Полезли мы, марсовые, наверх... Разошлись по реям и изо всех сил стараемся, чтобы скорей закрепить свой парус... Спустились вниз... А уж из орудия палят... Сигнал о бедствии, значит, даем. И матросики уже на всех помпах стоят, воду откачивают из трюмов... А она все больше да больше прибывает... А «Ястреб» наш так и бьется, так и бьется о камень... Жутко было, вашескобродие! Однако все еще надежда есть, что откачаем воду и до утра продержимся, а там, может, и берег близко, как-нибудь спасемся... Ну, и налегаем на помпы... И холоду не чувствуем. И капитан подбадривает: «Не робей, говорит, молодцы!» Так надеялись мы до утра вашескобродие, а как рассвело, то поняли, что нам крышка. Вода уж под верхнюю палубу подошла, и через корму ходят волны... А буря не унимается, и кругом ничего не видно... Одни волны бунтуют, кружатся, и в них – смерть. А из орудий еще палят. Последние заряды расстреливают, потому вниз, под палубу, уже нет ходу. А капитан, и вахтенный, и штурман – все стоят на мостике. Левонтий Федорыч бледный как смерть и за эту ночь совсем постарел... Смотрит с тоской. И все мы с тоской смотрим. Бросили помпы и стали было готовить на случай к спуску гребные суда и вязать плот... Куда тебе!.. Вода хлынула из люков и стала заливать переднюю палубу... Волны захлестывали... Все люди столпились на носу, потому как «Ястреб» передней частью на камнях сидел, то и выше он был, а как стало покрывать водой и верхнюю палубу, полезли все на ванты, держимся друг около дружки, и кои и на марсы забрались, чтобы смерть не достала. А она тут как тут, из воды смотрит... В отчаянности ждем мы, что вот-вот «Ястреб» сломается и мы потопнем... И батюшка нам отходную стал читать: к смерти, значит, готовить... Но не успел он окончить, как его смыло волной, и он скрылся в море... И многих, кои не успевали забраться на ванты, смывало, и они на наших глазах погибали. Жутко было смотреть, и всякий думал, что и ему недолго ждать. И кои молились, кои плакали, кои от страха сидели ровно ополоумевшие, с выпученными глазами. Два матросика с отчаянности сами в воду бросились, чтобы не томиться зря... Великое мучение послал тогда господь... Давно это было, а как вспомнишь, и то вовсе жутко... Иной раз приснится, как это мы бедовали, так в холодном поту проснешься. Несколько человек хоть и живы остались, а рассудка навсегда решились. И каких только страстей не пришлось тогда увидеть, вашескобродие!.. Опасная эта флотская служба... Нет такой другой. На сухой пути ты, по крайности, можешь распорядиться собой, а ежели кругом вода?.. То ли дело на земле!.. И тебе травка, и тебе лес, и тебе поле, и тебе цветики... Небось, хорошо! Вот мы с вами тут сидим, вашескобродие, и чувствуем землю-матушку. Дух-то какой от цветов идет... И птаха-то как заливается, бога хвалит... И комар жужжит... И вон он муравей-то, работяга, соломинку несет... Одно слово – благодать! – говорил Иваныч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.